ISSN 0869-4362 тологический 2007 IVX

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology Издается с 1992года

Том Х V

Экспресс-выпуск • Express-issue

2006 No 311

СОДЕРЖАНИЕ

183-197	Изменения видового стереотипа гнездования птиц в условиях культурного ландшафта. Г. А. НОВИКОВ
197-198	Сойка Garrulus glandarius переносит пойманную лягушку Rana arvalis. А.В.БАРДИН
198-200	Необычно поздняя встреча сплюшки <i>Otis scops</i> в Алакольской котловине осенью 2003 года. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ, Ю.П.ЛЕВИНСКИЙ
200	Дубонос $Coccothraustes$ соссо $thraustes$ в Санкт-Петербургской губернии. В . Л . Б И А Н К И
201-203	Гнездование пустельги $Falco\ tinnunculus$ на Памире. Р . Л . П О Т А П О В
203-205	О существовании птиц с травмами и болезнями. И . В . ПРОКОФЬЕВА
206-214	Поведение славки-черноголовки <i>Sylvia atricapilla</i> в гнездовой период (по наблюдениям в «Лесу на Ворскле»). Н . П . О В Ч И Н Н И К О В А
214-215	О встречах птиц с травматическими повреждениями. Б.А.ПОДКОВЫРКИН

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology Published from 1992

> Volume XV Express-issue

2006 No 311

CONTENTS

183-197	Changes in the species stereotype of bird nesting under the conditions of the cultural landscape. $G.A.NOVIKOV$.
197-198	Jay <i>Garrulus glandarius</i> transporting a frog <i>Rana arvalis</i> . A . V . B A R D I N
198-200	Unusually late record of the scops owl <i>Otis scops</i> in Alakol depression in autumn 2003. N.N.BEREZOVIKOV, Yu.P.LEVINSKY
200	The hawfinch <i>Coccothraustes coccothraustes</i> in StPetersburg government. V . L . B I A N C H I
201-203	Breeding of the common kestrel $Falco\ tinnunculus$ in the Pamirs. R.L.POTAPOV
203-205	Cripples among birds in nature. I.V.PROKOFJEVA
206-214	Behaviour of the blackcap <i>Sylvia atricapilla</i> during breeding period (by data from the Forest on the Vorskla River). N.P.OVCHINNIKOVA
214-215	On records of crimpled birds. B.A.PODKOVYRKIN

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Изменения видового стереотипа гнездования птиц в условиях культурного ландшафта

Г.А. Новиков

Второе издание. Первая публикация в 1964*

Большой знаток экологии и поведения птиц А.Н.Промптов (1938) писал: «Детальные и многолетние наблюдения над поведением различных видов в природе обнаруживают очень большое однообразие его. Этот шаблон или стереотип поведения, всегда очень характерный для каждого вида, в сходные моменты жизни повторяется с замечательной точностью для каждой особи вида». Действительно, видовая специфичность различных проявлений жизнедеятельности птиц выражена очень резко и нередко буквально поражает устойчивой стандартностью. В частности, это относится к типам гнездовых построек и местам и способам их расположения.

Однако даже эти наиболее специализированные биологические реакции птиц, носящие глубоко специфический для каждого вида характер, при ближайшем рассмотрении оказываются более или менее подверженными изменчивости. Иными словами, видовой стереотип гнездования не имеет абсолютного значения, но может трансформироваться под влиянием изменившихся экологических условий.

Изменчивость видового стереотипа гнездования неоднократно отмечал А.Н.Промптов (1938, 1940, 1957), подчёркивавший, что «существующие в настоящее время у каждого вида характерные экологические тенденции, т.е. довольно стойкий "шаблон" в отношении гнездования в определённых стациях (вплоть до местоположения гнезда), выкармливания птенцов определённым подбором пищи и т.п.,— не единственно возможные для него» (Промптов 1938, с. 538).

Конечно, в наибольшей мере изменчивость гнездового стереотипа свойственна т.н. эвринидным видам птиц (Формозов 1934), но имеет место и у стенонидных, узко специализированных форм. В этом сказывается широкая распространённость явлений морфизма (Huxley 1955) и экологической пластичности видов (Новиков 1957; Мальчевский 1959).

Как мы отмечали выше, в основе изменений видового стереотипа гнездования лежит то или иное отклонение условий обитания от обычной для данного вида нормы. С подобным разнообразием среды птицы постоянно имеют дело даже в естественной обстановке при освоении

-

^{*} Новиков Г.А. 1964. Изменения видового стереотипа гнездования птиц в условиях культурного ландшафта // Зоол. журн. 43, 8: 1193-1202.

новых ландшафтов, биотопов или экологических ниш. При этом птицы обнаруживают удивительные адаптационные способности. Специальная литература полна наблюдений такого рода, представляющих при их обобщении большой биологический интерес.

Но особенного внимания заслуживают изменения видового стереотипа гнездования, происходящие в результате деятельности человека в т.н. культурном ландшафте, ибо здесь птицам приходится подчас встречаться с совершенно необычными для них экологическими условиями. В столкновении видовых традиций и реакций на подобные новые жизненные возможности с наибольшей полнотой раскрываются потенциальные адаптивные способности видов и особей.

В одних случаях дело ограничивается чисто индивидуальной изменчивостью видового стереотипа гнездования. Однако и здесь иногда можно видеть повторяемость уклонений от нормы, т.е. начало процесса стабилизации оказавшегося выгодным нового приспособления. Ряд других примеров относится уже к целым популяциям или, по крайней мере, к группам особей. Эти последние факты представляют наибольший теоретический интерес, свидетельствуя, по меткому выражению А.Н.Промптова (1938), об «экологическом расколе популяций». Не трудно представить эволюционное значение подобного рода явлений.

Ниже мы рассмотрим ряд фактов изменений мест расположения гнёзд и используемого при их постройке материала у птиц, главным образом из числа обитающих в городах и сельских населённых пунктах. Мы не ставим перед собой цели дать исчерпывающий обзор материалов, содержащихся в литературе (их слишком много), но ограничимся лишь некоторыми примерами. Вопрос об изменчивости видового стереотипа гнездования у птиц в естественных условиях рассматривается в другой нашей статье.

По мере освоения человеком природы, развития и усложнения его хозяйства развивался и культурный ландшафт, а одновременно формировалась синантропная орнитофауна. По данным С.Я.Стравинского (1962), в умеренном поясе Европы в настоящее время насчитывается 26 видов синантропных птиц. Орнитофауна культурного ландшафта в целом, конечно, значительно богаче.

Важно подчеркнуть, что процесс формирования интересующей нас фауны ещё далеко не завершился и продолжается непрерывно, буквально на наших глазах. Сказанное относится не только к культурному ландшафту вообще, но и, в частности, к городам, заселяемым всё новыми и новыми видами птиц, находящими здесь благоприятные условия гнездования и кормления, в то время как некоторые другие виды оказываются вынужденными покидать свои прежние места обитания главным образом в результате прямого преследования со стороны человека и его домашних животных (Строков 1962). Этот процесс «урба-

низации» орнитофауны протекает в разных странах и ландшафтных зонах далеко не одинаково, но в плане интересующей нас проблемы неизменно приносит весьма наглядные свидетельства поразительной гибкости высшей нервной деятельности птиц, быстро использующих новые экологические условия, создаваемые деятельностью человека.

В одних случаях птицы, внедряющиеся в культурный ландшафт и населённые пункты, сохраняют свой видовой стереотип гнездования без изменений. У других видов «урбанизация» сопровождается более или менее резким изменением гнездового стереотипа. При этом большой интерес представляет вопрос об использовании птицами для устройства гнёзд необычных мест и материалов, с которыми им не приходилось сталкиваться в естественной обстановке. Наконец, заслуживает специального внимания сопоставление характера гнездования видов, давно ставших синантропными, с отдельными их популяциями, продолжающими обитать в естественных условиях.

Анализ литературных данных и собственных наблюдений показывает, что особую пластичность гнездовых инстинктов и приспособляемость к новым условиям обитания проявляют воробьиные — один из самых прогрессивных отрядов класса птиц.

Среди городских птиц в наибольшей мере сохранили свои естественные особенности гнездостроения те виды, которые существуют в условиях, наиболее сходных с природными. Таковы, например, обитатели садов и парков: грач, зяблик, большая синица, серая мухоловка, дрозды, кольчатая горлица и т.п. Однако и среди представителей перечисленных видов отдельные особи дают примеры широкой изменчивости и приспособляемости.

Грачи Corvus frugilegus в городах гнездятся, как правило, в кронах высоких деревьев, в том числе и на небольших скверах и бульварах. Таким образом, здесь они сохраняют свой видовой стереотип. Однако однажды в Воронеже две пары грачей пытались построить гнёзда на башенном кране, который по случаю выходного дня временно бездействовал. Одни птицы расположили свою постройку внутри стрелы крана, другие – между стрелой и свисающим с неё тросом. Когда кран пустили в ход, это последнее гнездо, конечно, сразу же упало, но та пара, что поселилась в самой стреле, продолжала свои гнездовые дела. Дальнейшая её судьба, к сожалению, неизвестна. Налицо попытка, пускай неудачная, расширить свои жизненные возможности. О том, что она не носила абсолютно случайный характер, говорят факты перехода некоторых грачей к гнездованию на труднодоступных высоких зданиях, где их потомство оказывалось в большей безопасности, чем на деревьях. В двух сёлах Рязанской области и в одном – в Горьковской отдельные пары грачей переселились из грачевников на колокольни соседних церквей. Здесь насчитывалось 2, 6 и 8 гнёзд (Галушин, Карпович 1960). Аналогичным образом, в Рейнской области в ФРГ грачи создали новую колонию на высокой (40 м) башне костёла в 1 км от старого грачевника. В 1950 г. здесь поселилась 1 пара, в 1951-3, в 1952-12, в 1953-6, в 1954-3 пары (Melchior 1955). Таким образом, грачи сохраняли свой колониальный образ жизни, и изменчивость видового стереотипа носила не индивидуальный, а групповой характер.

Пример с грачами интересен не только сам по себе, но и в более широком плане – как подтверждение мысли А.С.Мальчевского (1950, 1959), что резкие отклонения от видового шаблона гнездования в условиях культурного ландшафта сплошь и рядом обусловливаются разорением (иногда даже неоднократным) гнёзд, первоначально построенных в обычных для данного вида местах. В частности, под влиянием систематического разорения первых кладок многие мелкие птицы, нормально гнездящиеся на земле или в нижних ярусах леса, гнёзда для повторных кладок устраивают необычно высоко: теньковки *Phyl*loscopus collybita – на кустах и поросли, славки-черноголовки Sylvia atricapilla и садовые славки S. borin - на ветвях деревьев до 5.5 м от земли и т.д. А.М.Быков (1896) показал, что певчие дрозды Turdus philomelos в окрестностях Варшавы в наиболее посещаемых людьми лесах и парках строят гнёзда значительно выше и маскируют их тщательнее, чем в уединённых насаждениях. Необычайно высоко (до 12-15 м) селятся рябинники Turdus pilaris в очень многолюдном парке Старого Петергофа под Ленинградом. Фактически описываемые здесь изменения особенностей гнездования захватывают целые экологические популяции.

В некоторых западноевропейских странах наблюдается интенсивное проникновение в города чёрных дроздов *Turdus merula*. В Советском Союзе различные виды дроздов встречаются в городах лишь в парках. Здесь, например, белобровики *Turdus iliacus* подчас вынуждены располагать свои массивные гнёзда не на деревьях, а на дощатых заборах, где они оказываются лучше замаскированными (Мальчевский 1950). Рябиник часто гнездится, не меняя видового стереотипа, в населённых пунктах финской Лапландии, но в Аббиско колония этих дроздов, насчитывавшая 5-6 пар, была обнаружена на нижней балке деревянного моста (Tischhoff 1955).

Весьма примечательно всё учащающееся появление в городах Западной Европы такой осторожной лесной птицы, как сойка Garrulus glandarius, причём не только в садах и парках, но и просто на улицах и даже на заводах. В одном из западногерманских городов сойка свила гнездо на высокой липе на главной, очень оживлённой улице (Нöppner 1958), в другом — в сплетениях вьющихся по стене дома растений (Börner 1955). Правда, эти случаи мало чем отличаются от наблюдаемых в природе. Но, оказывается, сойка способна гнездиться прямо на

зданиях, как это имело место в Гамбург-Баренфельде, где её гнездо было обнаружено под карнизом крыши двухэтажного дома, на углу выступающего наружу жёлоба, в каких-нибудь 1.5 м от окна квартиры (Weissman 1955). Но и это — не предел адаптивных способностей сойки, так как однажды она устроилась на железной вышке около мощной постоянно функционирующей камнедробилки на заводе.

Зяблик *Fringilla coelebs* при всём разнообразии мест расположения гнёзд и в городских условиях продолжает оставаться типичным дендрофилом. Однако и для него известен пример необычного гнездования, когда одна самка заняла искусственное полудупло и благополучно вывела птенцов (Binkele 1962).

Часто селится рядом с человеком коноплянка *Acanthis cannabina*. Большинство её пар продолжает гнездиться в кустарниках и на деревьях, многие — в иных местах. Например, на окраине Москвы из 662 гнёзд 179 было найдено в штабелях снегозащитных щитов, в кучах досок и в парниках (Строков 1962). В Чехословакии коноплянка свила гнездо в небольшой нише в каменоломне на высоте около 3 м (Čtyroký 1959). Там же зарегистрировано 15 гнёзд в поленницах на дровяных складах (Fric 1962).

В ряде европейских стран зеленушка *Chloris chloris* всё в бо́льшей мере становится синантропным видом. При этом некоторые особи начинают регулярно гнездиться в цветочных ящиках на балконах домов даже самых оживлённых городских улиц. В Нюрнберге две пары свили гнёзда на скудных остатках рождественских ёлок, лежавших на балконах. Здесь зеленушки быстро воспользовались специально высаженными в горшках на балконе маленькими ёлочками. Известны случаи гнездования зеленушки в закрытой кормушке для птиц, вывешенной за окном третьего этажа, в искусственном полудупле в саду, в поленнице дров (Gebhardt 1958; Nordmark 1959; Fric 1962; Kiebitz 1962; Burri 1963).

Ряд видов птиц, нормально гнездящихся только на деревьях и кустарниках, иногда вселяется в те или иные постройки в деревнях и даже в городах. По некоторым данным, на зданиях установлено гнездование около 30 видов, вплоть до ореховки Nucifraga caryocatactes. В одном из сараев с сеном в течение 2 лет гнездился крапивник Troglodytes troglodytes, другой расположил своё жилище на прошлогоднем гнезде деревенской ласточки Hirundo rustica в пустом хлеву (Stopper 1961; Wagner 1962). Кольчатая горлица Streptopelia decaocto 3 года подряд гнездилась на крыше углеподъёмника, заканчивавшегося на 4-м этаже городского дома (Gebhardt 1958). В районе Наурзумского заповедника кобчики Falco vespertinus несколько раз устраивали гнёзда под карнизами крыш внутри скотных дворов; в заброшенных зимовках селилась горлица Streptopelia turtur, а ушастая сова Asio

отиз использовала сеновал скотного двора в 15 км от ближайшего леса (Рябов 1949, 1963а). В Чехословакии найдено 5 гнёзд обыкновенных овсянок Emberiza citrinella в поленницах на дровяных складах (Fric 1962). Правда, во всех перечисленных случаях у птиц сохранялась типичная для них архитектура гнёзд. В противоположность этому, снегири Pyrrhula рyrrhula однажды поселились под застрехой загородного дома, в нише глубиной 20 см, наподобие горихвосток. Здесь они ограничились лишь, так сказать, «фрагментами» гнезда. Кстати, около дома находился лес, вполне пригодный для обитания снегирей. Тем более непонятен и удивителен необычный выбор ими места гнездования (Seifert 1960).

Если даже открытогнездящиеся птицы используют для жилья дома и другие постройки человека, то это ещё естественнее для дуплогнездников. Так, серые мухоловки Muscicapa striata, будучи в основном лесными птицами, одновременно постоянно гнездятся и в населённых пунктах. Одни пары и здесь вьют гнёзда в обычных для них местах – в полудуплах или в развилках ветвей, но многие другие успешно выводят потомство в различных укрытиях под застрехами крыш, в щелях, на карнизах, наличниках и порой в штабелях сложенных на лето снегозащитных щитов, совсем низко над землёй, на слегах заборов, в поленницах дров. Одна мухоловка свила гнездо на железных граблях, прислонённых к стенке зубцами вверх. По наблюдениям В.В.Мазинга, в Эстонии серые мухоловки нередко помещают гнёзда на железных венках у памятников на городских кладбищах (Дементьев и др. 1954). Известен случай, когда мухоловка поселилась под застеклённой крышей внутри здания универмага на Красной площади в Москве (Формозов 1947). В США какая-то из мухоловок устроила гнездо на аппарате внутри уличной телефонной будки. Примечательно, что из обитающих в СССР видов мухоловок, кроме серых, в постройках иногда гнездится только мухоловка-пеструшка Ficedula hypoleuca. Таким образом, налицо существенные отличия степени изменчивости стереотипа гнездования и приспособляемости к новым условиям среди достаточно близко родственных птиц.

Большие синицы *Parus major*, кроме обычных убежищ, иногда приспосабливают под гнёзда такие, как вывешенные на заборах почтовые ящики, оставленные в лесу пустые бидоны из-под горючего и пр. В Белгородской области мы нашли гнездо синицы в коробе старой сеялки, стоявшей около опушки леса; птицы лазали туда через сошник. На Украине гнёзда большой синицы были обнаружены: в метеорологической будке; в железном кладбищенском кресте, сделанном из водопроводных труб; в жилом пчелином улье; в щели калитки, которой постоянно пользовались люди; в отверстии между корнями дерева в городском саду (Воинственский 1949). Тем не менее, все эти убежища

есть не что иное, как известные подобия естественных дупел. Поэтому значительно интереснее случай, когда большая синица в городском парке Дортмунда свила открытое гнездо в узкой мутовке четырёх ветвей пирамидального тополя (Erz 1962).

Обращает внимание, что, как и в отмеченном выше случае с мухоловками, среди синиц тоже только один вид — большая синица обнаруживает тесную связь с культурным ландшафтом и высокую степень изменчивости видового стереотипа гнездования.

Из других мелких воробьиных птиц очень часто занимают застрехи и другие укрытия садовые горихвостки *Phoenicurus phoenicurus*, а одна пара поселилась в корзине, висевшей на стене в сарае (Stopper 1961). Даже каменки *Oenanthe oenanthe* в ряде пунктов Германии начали занимать ниши в стенах домов, порой на высоте 2.5-4 м (Jost 1960; Gatter 1961), а у нас в СССР их гнёзда находили в трещинах каменных стен, под крышами строений, в поленницах дров, в кучах кизяков и т.д. (Дементьев и др. 1954). Кроме воробьиных, в пустотах стен домов в южной Словакии нередко живут сизоворонки *Coracias garrulus* (Sladek 1957).

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros*, подобно упоминавшейся выше сойке, избрала однажды совсем необычное место — на заводе. За выходной день, пользуясь открытыми окнами, она успела свить гнездо внутри цеха в нише тяжёлой камнедробилки, которая, по свидетельству автора заметки, «с ужасающим грохотом и вибрацией» Работала по 9 ч в сутки. Один из обслуживающих машину рабочих постоянно находился как раз около ниши с гнездом. Несмотря на всё это, птенцы были выкормлены и благополучно вылетели из гнезда (Wallmer 1960).

Подобных «индустриальных» мест гнездования не избегают и некоторые другие птицы, в частности, белые трясогузки Motacilla alba. В Пермской области трясогузка устроила гнездо на блоке мотора под капотом дизеля действующей лебёдки (Рединкин 1959), а на вагоностроительном заводе в Саксонии — на старом прессе около кузницы, рядом с которой круглые сутки производилась электросварка и разгружался уголь. Удивительно, что это гнездо привлекло внимание кукушки Cuculus canorus. Она совсем не боялась рабочих, подложила трясогузке яйцо, и та вывела и воспитала кукушонка (Нöррпет 1958). Подобные факты, по-видимому, не составляют большой редкости в ФРГ, судя по тому, что в Ингольштадте кукушонок вывелся в гнезде белой трясогузки, устроенном на стальной опоре распределительного щита городского водопровода (Weinzierl 1955). В цитированной статье упоминаются ещё два аналогичных примера.

В послевоенные годы в Англии и некоторых других странах ряд видов птиц делал попытки вить гнёзда в самолётах, поставленных на

ремонт или длительную стоянку; в их числе — обыкновенный скворец Sturnus vulgaris, белая трясогузка, галка Corvus monedula, домовый воробей Passer domesticus и даже чёрный дрозд и зарянка Erithacus rubecula (Bridgman 1962).

В степях Казахстана некоторые виды используют для гнездования мосты; таковы: обыкновенная Falco tinnunculus и степная F. naumanni пустельги, удод Upupa epops, галка и др. (Рябов 1949, 1963а). Наконец, в Казахстане же было найдено гнездо удода в отверстии гнилой шпалы на автомобильном переезде через железную дорогу. Птицы привыкли к царившему здесь грохоту и сотрясениям и успешно воспитали птенцов (О гнездовании птиц 1959).

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что даже непосредственное соседство с работающими машинами и механизмами, если они не причиняют какого-либо вреда гнездящимся птицам, не вызывает у последних стойких оборонительных рефлексов.

Некоторые птицы быстро осваивают и другие возможности для гнездования, возникающие в результате деятельности человека. В районе Лейпцига, начиная с 1951 г., жёлтые трясогузки Motacilla flava стали регулярно селиться в сухих биотопах, используя обочины угольных ям и отвалы бурого угля (Kalbe 1961). Крупный и осторожный хищник — скопа Pandion haliaetus в густонаселённой Германии устраивает свои массивные гнёзда не только, как повсюду, на высоких деревьях (кстати, иногда возле домов), но нередко и на верхушках металлических опор высоковольтных линий электропередач (Moll 1962). На такой же мачте на Дальнем Востоке было найдено гнездо сороки Pica pica (О гнездовании птиц 1959).

Постройки и иные сооружения привлекают к себе не только лесных птиц, но и типичных обитателей открытого ландшафта. Так, в степях Казахстана на стогах сена располагают гнёзда степной орёл Aquila nipalensis и курганник Buteo rufinus; в колодцах роют норки береговые ласточки Riparia riparia; в нежилых летом зимовках селятся болотная сова Asio flammeus, жёлтая трясогузка, каменки – плясунья Oenanthe isabellina и плешанка O. pleschanka, варакушка Luscinia svecica. В заброшенных зимовках находили гнёзда болотной совы, малого жаворонка Calandrella brachydactyla, полевого конька Anthus campestris и даже дрофы Otis tarda. Степная пустельга систематически гнездится в штабелях камней, в казахских могилах, заброшенных зимовках, вплоть до старых камышовых щитов, огораживающих стойбища скота. Одна болотная сова устроилась на печи в деревянной постройке. Береговые ласточки в районе Наурзумского заповедника роют норки главным образом в сложенных из дёрна стенах старых казахских зимовок, подчас в большом удалении от водоёмов и колодцев (Рябов 1949, 1963а).

Интересно, что на Севере около жилья человека селится даже представитель отряда гусеобразных — обыкновенная гага *Somateria mollissima*. В Исландии её гнёзда находили на крыльце и даже внутри жилого дома.

Высокая степень экологической пластичности многих видов птиц, их способность быстро использовать новые возможности для гнездования создают объективные условия для привлечения птиц в искусственные гнездовья разнообразной конструкции, вплоть до изготовленных из деревобетона и бутылочных тыкв. Ими пользуются не только многие виды дуплогнездников из числа мелких воробьиных птиц, но также некоторые дятлы, сизоворонки, мелкие совы, кукушки, удоды, гоголи Bucephala clangula, крохали Mergus, а в отдельных случаях даже и недуплогнездники – зяблик, зеленушка и др.

Специального рассмотрения в нашей статье заслуживают те виды птиц, которые в настоящее время стали всецело или почти исключительно синантропными. Сизые голуби Columba livia в большинстве своём придерживаются городов и сёл, но некоторое их число продолжает жить на скалистых обрывах — в исходных для данного вида биотопах (Дементьев и др. 1951). В отдельных случаях в подобные местообитания переселяются даже домашние голуби, почему-либо покинувшие свои голубятни (Singer 1962). Чёрные стрижи Apus apus также, пожалуй, преобладают в городах и других населённых пунктах, но некоторая их часть остаётся дуплогнездниками, а в Финляндии эти две экологические группы стрижей образовали особые популяции, довольно отчётливо приуроченные к разным частям страны: на юге и западе Финляндии стрижи гнездятся преимущественно в городах и сёлах, тогда как в центре, на востоке и севере — главным образом в лесах (Koskimies 1956).

В ещё большей мере, чем стрижи, стали синантропными видами городские Delichon urbica и деревенские Hirundo rustica ласточки. Здесь гнёзда каждого из упомянутых видов сравнительно однотипны по устройству и местоположению. Однако, во-первых, это однообразие при ближайшем рассмотрении оказывается не столь абсолютным. Вовторых, иногда ласточки обнаруживают не меньшую изменчивость видового стереотипа гнездования, чем многие другие птицы, упоминавшиеся выше. Их гнёзда порой крепятся не вплотную к стенам и балкам зданий, а к изоляторам радиоантенны, располагаются на электрического фонаря (Козьмин 1962), под абажуром уличного электрического фонаря (Козьмин 1962), в искусственном гнездовье (Hellebrekers 1962) и в других местах. Пара деревенских ласточек в Германии слепила миниатюрное гнездо над входом в палатку в туристском лагере (Нешег 1962), другая в очень жаркое лето 1954 г. поместила гнездо не под крышей, а снаружи неё, что составляет большую

редкость, судя по тому, что Кройтц находил их лишь 4 раза среди многих сотен гнёзд (Kaiser 1955). Иногда гнёзда ласточек разрушаются, но ласточки продолжают выкармливать птенцов, перенесённых людьми в какой-нибудь ящик, искусственное гнездовье, а в одном случае — в полотенце, подвешенное наподобие гамака к наружной электропроводке. Эта последняя пара деревенских ласточек не только завершила выкармливание птенцов, но использовала полотенце и для второй кладки (Votsmeyer 1958).

Кроме подобных фактов индивидуальной изменчивости видового стереотипа, известны примеры гнездования целых групп ласточек вне населённых пунктов в самых необычных для них условиях. Ещё Н.А.Северцов (1855) писал, что в Хреновском бору тогдашней Воронежской губернии он нашёл сосну, буквально облепленную гнёздами городских ласточек. По Н.А.Зарудному (1888), в Оренбургских степях воронки селились исключительно в норках береговых ласточек, но отнюдь не в городах и сёлах, а деревенские ласточки прикрепляли гнёзда к стволам ольх, под защитой толстых ветвей. П.П.Сушкин (1908) обнаружил касаток в «диком состоянии» в каменистом овраге, где они гнездились на скалах, под нависшим карнизом. По В.Н.Бостанжогло (1911), деревенские ласточки были обычны на гнездовье в береговых обрывах Аральского моря и реки Урал. В настоящее время в степях Казахстана касаток находят гнездящимися в старых могилах, в мостах, внутри облицованных камнем колодцев, подчас далеко от посёлков. Городские ласточки там же порой селятся в колониях береговых ласточек, а в одном случае – на старом штабеле камней (Рябов 1949, 1963, 1963а). В Средней Азии, по данным Д.Н.Кашкарова (1932), оба вида ласточек ведут себя совершенно различно: деревенская гнездится исключительно в населённых пунктах, а городская – только в горах, ущельях и тому подобных местообитаниях и поэтому «вовсе не заслуживает своего названия».

Обращает на себя внимание тот факт, что в то время как на юге ласточки нередко перестают быть синантропами и живут в естественной обстановке, в более северных районах подобное явление наблюдается очень редко. Нам известно только одно указание такого рода, а именно, что в Прибалтике городские ласточки порой встречаются в скалах (Дементьев и др. 1954).

Домовые *Passer domesticus* и полевые *P. montanus* воробьи повсеместно в значительной степени стали синантропными птицами. Однако в ряде районов лесостепной зоны они образуют разные популяции, так что некоторые, притом многочисленные, пары обитают не в населённых пунктах, а в естественных биотопах, образуя особые популяции. Кроме того, у синантропных домовых воробьёв в течение лета иногда наблюдаются регулярные изменения гнездового стереотипа.

Например, в «Лесу на Ворскле» свои первые кладки они выводят под застрехами и в других такого же рода местах, а для вторых вьют шарообразные гнёзда в кронах деревьев на приусадебных участках (Новиков и др. 1963).

«Экологический раскол популяции» известен также для галки. Часть особей этого вида, а во многих районах — подавляющее большинство является типично синантропной, тогда как другие продолжают оставаться дуплогнездниками, а порой гнездятся в скалах. К сожалению, мы не располагаем данными о степени устойчивости подобных гнездовых привычек у отдельных особей, обитающих в населённых пунктах или в лесах.

Экологическая пластичность сказывается не только в разнообразии мест расположения гнёзд и характере их постройки, но и в используемом птицами строительном материале. Ряд видов птиц применяет для постройки гнёзд настолько определённые, если не виды, то группы растений или их частей, что сразу можно определить, кому именно принадлежит данное гнездо. Этому способствуют особенности архитектуры гнезда и пр. Однако даже в естественной обстановке птицы порой прибегают к абсолютно не типичным для них материалам, вроде длинной слинявшей шкурки ужа в гнезде жулана Lanius collurio, найденном в «Лесу на Ворскле» (Новиков и др. 1963). Но особенно разнообразный и случайный материал используется птицами при постройке гнёзд около человеческого жилья. Это – бумага, тряпки, нитки всех цветов (включая хирургический шёлк), вата, полоски целлофана и пр. В парке Лесотехнической академии в Ленинграде некоторые гнёзда серых мухоловок, жуланов и других птиц бывают почти целиком построены из таких отбросов (Мальчевский 1950). В Германии горихвостки нередко стали собирать для гнёзд стеклянную вату, применяемую, как известно, для изоляции (Hartmann 1959; Reinsch 1960; Stopper 1961). Этот материал находили также в отдельных гнёздах большой синицы, лазоревки Parus caeruleus и пищухи Certhia familiaris (Baudisch 1955; Möller 1959). А.Рейнш (Reinsch 1959) описывает гнездо иволги Oriolus oriolus, основу которого составляли, помимо волокон луба, шнурки, писчая бумага, обрывки газет, конфетная бумажка, конверт, тряпки, овечья шерсть, паутина. В лотке, кроме обычного материала, также встречались куски тонкой бумаги и вата. Большое число аналогичных наблюдений над различными видами, обитающими по соседству с человеком, содержится во всех орнитологических сводках.

Некоторые птицы, начав использовать какой-либо новый строительный материал, прибегают к нему повторно. Так, например, пара чёрных дроздов (в т.ч. один альбинос) для наружного слоя гнёзд первой и второй генераций собирала белые полоски целлулоида с пломбами фабрики (Kröll 1959). Подобные отклонения от стереотипа могут за-

хватывать целые группы птиц. Например, на одном из кладбищ Вены *Streptopelia. turtur* делают гнёзда из кусочков проволоки от венков (Peters 1958). По наблюдениям В.С.Ивлева (устн. сообщ.), в одном из районов новостроек Ленинграда городские ласточки приспособились делать гнёзда из известковой массы, которая там имелась в изобилии.

Из приведённого нами фактического материала со всей очевидностью следует, что инстинкты гнездостроения у самых различных видов птиц подвержены широкой изменчивости. В условиях культурного ландшафта и населённых пунктов, где возникают совершенно новые жизненные возможности, свойственная птицам экологическая пластичность видового стереотипа гнездования проявляется с наибольшей силой, свидетельствуя о высокой степени их приспособляемости к изменениям среды обитания. Наблюдающиеся при этом необычные случаи гнездования, при всей своей подчас парадоксальности, на самом деле, как правило, не могут быть отнесены к аномалиям экологии и поведения, а должны рассматриваться в качестве индикаторов и проявлений меры экологической валентности данного вида.

Даже индивидуальная изменчивость стереотипа гнездования способна дать существенный биологический эффект. Но особенно велико значение полезных отклонений от видового шаблона, захватывающих целые группы особей и приводящих к «экологическому расколу популяции». Подобного рода явления, судя по всему, отнюдь не составляют редкости среди птиц вообще, а тем более в обстановке резких изменений среды обитания под влиянием деятельности человека, столь характерных для культурного ландшафта.

Литература

- Бостанжогло В.Н. 1911. Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **11**: 1-410.
- Быков А.М. 1896. Список и описание коллекций по биологии птиц Привислинского края // Коллекции зоол. кабинета Варшав. ун-та 3: 1-120.
- Воинственский М.А. 1949. Пищухи, поползни, синицы УССР: Биология, систематика, хозяйственное значение. Киев: 1-122.
- Галушин В.М., Карпович В.Н. 1960. Гнездование грачей на высоких зданиях сельских населённых пунктов // Охрана природы и озеленение 2: 77-78.
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А., Благосклонов К.Н., Волчанецкий И.Б., Мекленбурцев Р.Н., Птушенко Е.С., Рустамов А.К., Спангенберг Е.П., Судиловская А.М., Штегман Б.К. 1954. *Птицы Советского Союза*. М., **6**: 1-792.
- Дементьев Г.П., Мекленбурцев Р.Н., Судиловская А.М., Спангенберг Е.П. 1951. Птицы Советского Союза. М., 2: 1-480.
- Зарудный Н.А. 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Зап. Импер. Акад. наук **57**, прил. 1: 1-338.
- Кашкаров Д.Н. 1932. Животные Туркестана. Ташкент: 1-448.
- Козьмин А. 1962. Железный полк // Комсомольская правда № 128: 4.

- Мальчевский А.С. 1950. О гнездовании птиц в городских условиях // Тр. Ленингр. общ-ва естествоиспыт. **70**, 4: 140-154.
- Мальчевский А.С. 1959. Гнездовая жизнь птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробыных птиц европейской части СССР. Л.: 1-281.
- Новиков Г.А. 1957. Степень стенобионтности и экологическая пластичность высших позвоночных // $Becmh. \ Ленингр. \ yh-ma \ 21: 65-74.$
- Новиков Г.А., Мальчевский А.С., Овчинникова Н.П., Иванова Н.С. 1963. Птицы учлесхоза «Лес на Ворскле» и его окрестностей // Вопросы экологии и биоценологии 8: 9-118.
- О гнездовании птиц. 1959 // Природа 3: 107-110.
- Промптов А.Н. 1938. Эксперименты по изучению экологической пластичности некоторых видов птиц // Зоол. журн. 17, 3: 533-539.
- Промптов А.Н. 1940. Видовой стереотип поведения и его формирование у диких птиц // Докл. АН СССР 27, 2: 171-175.
- Промптов А.Н. 1957. Птицы в природе. Л.: 1-490.
- Рединкин Н. 1959. Гнездо под капотом работающего дизеля // Oxoma и oxom. хоз-во 9: 58.
- Рябов В.Ф. 1949. Распределение птиц и сооружения человека в степи // Тр. Наурзумского заповедника 2: 233-249.
- Рябов В.Ф. 1963. О необычном гнездовании городских ласточек // Зоол. журн. **42**, 3: 468-470.
- Рябов В.Ф. 1963а. Распределение птиц и сооружения человека в районах освоения целинных степей // Тез. докл. 5-й Прибалт. орнитол. конф. Тарту: 175-179.
- Северцов Н.А. 1855 (1950). Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии.2-е изд. М.: 1-308.
- Стравинский С.Я. 1962. К вопросу об «урбанизации» птиц на примере орнитофауны города Торуни (Польша) и его окрестностей // Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф. Львов, 2: 197-198.
- Строков В.В. 1962. К экологии коноплянки на юго-западе Москвы // *Орнитология* **5**: 290-299.
- Строков В.В. 1962а. Влияние антропогенных факторов на адаптивность авифауны, оказавшейся в пределах культурного ландшафта // Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф. Львов, 2: 202-204.
- Сушкин П.П. 1908. Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской) // Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи. Отд. 300л. 8: 1-803.
- Формозов А.Н. 1934. Хищные птицы и грызуны // Зоол. журн. 13, 4: 664-700.
- Формозов А.Н. 1947. Фауна // Природа города Москвы и Подмосковья. М.; Л.: 329-356.
- Baudisch J. 1955. Glaswolle beim Nestbau von Meisen #Ornithol. Mitt. 7, 3: 51.
- Binkele H. 1962. Buchfink als Höhlenbrüter #Die Natur 70: 127.
- Börner H. 1955. Zur Verstädterung des Eichelhähers (Garrulus glandarius) # Ornithol. Mitt. 7, 2: 32-33.
- Bridgman C.J. 1962. Birds nesting in aircraft #Brit. Birds 55, 11: 461-470.
- Burri H. 1963. Grünfink als Halbhöhlenbrüter # Ornithol. Beob. 60, 1: 30-31.
- Čtyroký P. 1959. Ungewöhnlicher Neststand des Hänflings (Carduelis cannabina) // Sylvia 16: 267.
- Erz W. 1962. Freibrut bei der Kohlmeise # Ornithol. Mitt. 14, 9: 176.

- Fric F. 1962. Nezvyklà ptači hnizaišě // Ziva 10, 3: 118-119.
- Gatter W. 1961. Brut des Steinschmätzers (Oenanthe oenanthe) an einem Wohnhaus // Ornithol. Mitt. 13, 10: 193-194.
- Gebhardt E. 1958. Der Grünling als Balkonbrüter // Ornithol. Mitt. 10, 12: 238.
- Hartmann B. 1959. Hausrotschwanz verwendet feuchten Lehm und Glaswolle zum Nestbau // Ornithol. Mitt. 11, 11: 211.
- Hellebrekers W. 1962.0ö- en nidologische mededelingen1960 en 1961 #Limosa 35, 1/2: 155-160
- Hemer F. 1962. Rauchschwalbenpaar (*Hirundo rustica*) brütet am Zelt // Ornithol. Mitt. 14, 9: 180.
- Höppner G. 1958. Zur Verstädterung des Kuckucks und Eichelhähers // Ornithol. Mitt. 10, 5: 94.
- Huxley J. 1955. Morphism in birds # Acta 11th Congr. Intern. Ornithol. Basel-Stuttgart.
- Jost O. 1960. Steinschmätzer (Oenanthe oenanthe) brütet im Wohnhaus // Ornithol. Mitt. 12, 1: 10-11.
- Kaiser W. 1955. Seltener Stand eines Rauchschwalbennest // Ornithol. Mitt. 7, 9: 170.
- Kalbe L. 1961. Schafstelze (Motacilla flava) brütet in Braunkohlenhalden #Vogelwelt 62, 5/6: 174-179.
- Kiebitz H. 1962. Ungewöhnlicher Nistplatz eines Grünfinkenpaares (Carduelis chloris) // Ornithol. Mitt. 14, 5: 98.
- Koskimies J. 1956. Zur Charakteristik und Geschichte der nistökologischen Divergentz beim Mauersegler, Apus apus (L.) in Nordeuropa // Ornis fenn. 33: 77-96.
- Kröll P. 1959. Amsel-Albino verwendet weisse Zelluloidstreifen zum Nestbau // Ornithol. Mitt. 11, 11: 216.
- Melchior G. 1955. Saatkrähen (Corvus frugilegus) als Kirchtürmbrüter // Ornithol. Mitt. 7, 9: 173.
- Moll K.H. 1962. Der Fischadler (Pandion h. haliaëtus). Wittenberg.
- Möller H.R. 1958. Glaswolle als Nistmaterial der Nestern von Blaumeise und Gartenbaumläufer // Ornithol. Mitt. 10, 6: 115.
- Nordmark H. 1959. Unsere Singvögel. Kiel-Flintbek.
- Peters H. 1958. Drahtnest der Turteltaube (Streptopelia turtur) # Ornithol. Mitt. 10, 2: 33-34.
- Reinsch A. 1959. Ornithologische Beobachtungen aus Mittelfranken und Thüringen // Ornithol. Mitt. 11, 7: 733.
- Reinsch A. 1960. Glaswolle als Nistmaterial beim Hausrotschwanz (*Phoenicurus ochruros*) // Ornithol. Mitt. 12, 11: 217.
- Seifert H. 1960. Gimpel (*Pyrrhula pyrrhula*) brütet unterm Dach in der Art des Hausrotschwanzes // Ornithol. Mitt. 12, 9: 176-179.
- Singer A.F. 1962. Haustauben als Felsenbrüter // Ornithol Mitt. 14, 5: 97.
- Sladek J. 1957. Brüten der Blauracke (Coracias garrulus) auf den Gebäuden # Acta rerum nat. Mus. Slovenicorum 111, 6: 2-5.
- Stopper H. 1961. Bemerkenswerte Beobachtungen zum Nestbau einiger Vogalarten // Ornithol. Mitt. 13, 6: 114.
- Stopper H. 1962. Zum Nestatand verschiedener Vogelarten // Ornithol. Mitt. 14: 207.
- Tischhoff N. 1956. Ornithologische Beobachtungen in Lappland # Ornithol Mitt. 7, 7: 121-125.

- Votsmeyer Ph. 1958. Rauchschwalbe (*Hirundo rustica*) brütet im Handtuch // Ornithol. Mitt. 10, 5: 96.
- Wagner R. 1962. Aussergewöhnlicher Nistplatz eines Zaunkönigs (Troglodytes troglodytes) | Ornithol Mitt. 14, 12: 230.
- Wallmer O. 1960. Hausrotschwanz (*Phoenicurus ochruros gibraltariensis*) brütet an einem im Betrieb befindlichen Steinbrecher // Ornithol Mitt. 12, 12: 230.
- Weinzierl H. 1955. Jung-Kuchcke (Cuculus canorus) im Industriegelände // Ornithol Mitt. 7, 6: 111.
- Weissman R. 1955. Zur Vestädterung des Eichelhähers (Garrulus glandarius) // Ornithol. Mitt. 7, 2: 32.

80 03

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2006, Том 15, Экспресс-выпуск 311: 197-198

Сойка Garrulus glandarius переносит пойманную лягушку Rana arvalis

А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 30 января 2006

Наблюдение выполнено 13 октября 2005 на левом берегу Суйды в 2 км ниже Красниц в точке с координатами 59°27′3 с.ш., 30°23.5′ в.д. Утром был сильный заморозок, траву и листья деревьев покрыл иней, быстро таявший под лучами солнца. На берегу речки на краю берёзовосинового мелколесья по опушке елового леса скопилось довольно много остромордых лягушек Rana arvalis, очевидно, перемещавшихся к местам зимовки. Из-за низкой температуры воздуха двигались они очень медленно.

Сойки Garrulus glandarius в это утро были очень заметны и крикливы. Три-четыре пары регулярно вылетали из леса на огороды деревни, собирали мелкий картофель и таскали его в лес. Идя вдоль опушки леса, я несколько раз видел, как сойки ловили мелких лягушек. В 10 ч 20 мин, когда я остановился попить кофе, случайно удалось во всех деталях наблюдать за этой охотой с близкого расстояния (5 м). Сойка заметила лягушку с нижних ветвей берёзы, быстро слетела, схватила её клювом поперёк тела за головой и убила резкими ударами о землю. Затем положила добычу на землю, присела, взяла её за голову и резким движением «заглотала». Длина лягушки была около 4.5 см. Её тело, вероятно, находилось в верхнем отделе пищевода, по-

скольку горло и верхняя часть шеи птицы заметно раздулись. Задние лапки лягушки торчали из углов рта сойки. Птица взлетела, присела на ветку и сразу же полетела высоко над деревьями. В бинокль были хорошо видны лапки лягушки, свисавшие по бокам клюва летящей птицы. Пока сойка находилась в поле зрения, она улетела примерно на 600 м вглубь леса.

Данное наблюдение интересно тем, что позволяет предположить возможность запасания сойками не только растительной, но и животной пищи. Припрятывание сойкой пойманной лягушки наблюдать уже приходилось (Бардин 2002).

Литература

Бардин А.В. 2002. Сойка *Garrulus glandarius* прячет пойманную лягушку *Rana temporaria* // *Pyc. орнитол. журн.* **11** (175): 130-131.

80 08

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2006, Том 15, Экспресс-выпуск 311: 198-200

Необычно поздняя встреча сплюшки *Otis scops* в Алакольской котловине осенью 2003 года

Н.Н.Березовиков¹⁾, Ю.П.Левинский²⁾

- 1) Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки Республики Казахстан, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 480060, Казахстан. E-mail: InstZoo@nursat.kz
- 2) Алакольский государственный природный заповедник,
 - г. Ушарал, Алакольский район, Алматинская область, 489430, Казахстан

Поступила в редакцию 22 декабря 2005

Основной отлёт сплюшек *Otis scops* в Казахстане происходит с середины августа до половины сентября, отдельные особи задерживаются до середины октября (Гаврин 1962). В связи с этим очень интересна необычно поздняя встреча сплюшки осенью 2003 года в западной части Алакольской котловины. В нижнем течении реки Тентек на западной окраине г. Ушарал (46°09.500′ с.ш., 80°54.126′ в., 379 м н.у.м.) 18 ноября 2003 в дневное время наблюдалась одиночная сплюшка, отдыхавшая в кроне тополя. Встречена она была в густом тополево-ивовом лесу с развитым кустарниковым подлеском из боярышника, жимолости, шиповника, тёрна и облепихи.

В 2003 году фенологический период «начальная осень» продолжался с 23 сентября по 30 октября (23 сут), заняв в структуре осеннего

сезона 56% вместо обычных 30% времени. Все суточные температуры воздуха оказались ниже нормы на 2.5-3.1°C. Осадки в виде дождей выпадали лишь 3 раза в начале и в конце периода. Период «золотая осень» продолжался лишь с 31 октября по 3 ноября (4 сут), тогда как в 1984-2002 гг. – с 12 октября по 9 ноября (29 сут). Уже с первого дня золотой осени начались постоянные ночные заморозки, а суточные температуры были почти в два раза ниже обычного уровня. Преобладала ясная погода. Единственный раз прошёл небольшой дождь, в середине периода впервые зафиксировано образование инея. Почти весь период дули ветры повышенной силы (до 15 м/сек) восточных и западных румбов. Следующий период «глубокая осень» наблюдался с 4 по 16 ноября (13 сут), хотя в 1984-2002 гг. он длился с 10 по 19 ноября (10 сут). Глубокая осень характеризовалась как затяжная, сдвинутая в сторону ранних сроков, холодная и сухая. Температурный режим был неустойчивым. С 5 ноября произошел переход суточных температур ниже 0°С, однако минимальные температуры были несколько выше нормы. В первой половине периода наблюдалась ясная погода, часто с сильным ветром (до 18 м/сек) восточных и западных румбов. Дожди отмечались дважды (в конце периода) и один раз выпал снег. Сплошной (временный) снежный покров впервые за осень образовался 13 ноября. Только один день в начале периода был без оттепели (5 ноября). Фенологический период «предзимье» прослеживался с 17 по 25 ноября (9 сут), тогда как в 1984-2002 гг. – с 20 ноября по 3 декабря (14 сут). Предзимье было короткое, сухое, сдвинутое в сторону ранних сроков, с резкими контрастами температур. Дневные температуры в 3.5 раза оказались выше нормы, тем не менее ночные были в 1.5 раза ниже обычного для этого времени уровня. Особенно тёплой была вторая половина предзимья, когда за счёт повышенного уровня экстремальных температур воздуха вновь стали положительными и среднесуточные температуры. В начале предзимья выпадали осадки как в виде снега, так и дождя (42% нормы). В середине периода в течение 5 дней выпадал ночной иней. С 19 ноября образовался постоянный снежный покров. В начале и в конце периода отмечались дни с сильным восточным ветром (до 17-18 м/сек). Образование сплошного ледового покрова на всех озёрах дельты Тентека также произошло 19 ноября.

Таким образом, сплюшка задержалась вплоть до наступления зимних условий и была встречена накануне обложных снегопадов и установления снежного покрова.

Столь значительная задержка отлёта сплюшки, по всей видимости, связана с фенологическими особенностями необычно затяжной и сухой осени 2003 года, что вызвало задержку отлёта и у целого ряда других птиц. Однако ещё одной из причин задержки отлёта могут быть поздние случаи размножения этого вида. Свидетельством этому служит

факт нахождения 4 сентября 1992 в северных предгорьях Заилийского Алатау в 20 км западнее Алма-Аты полуоперённого, ещё плохо летающего птенца сплюшки (Карпов 1994).

Литература

Гаврин В.Ф. 1962. Отряд Совы – Striges // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 708-779.

Карпов Ф.Ф. 1994. Из редакционной почты [позднее гнездование *Otus scops*] // *Selevinia* 2 (1): 85.

80 08

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2006, Том 15, Экспресс-выпуск 311: 200

Дубонос Coccothraustes coccothraustes в Санкт-Петербургской губернии

В.Л.Бианки

Второе издание. Первая публикация в 1904*

Благодаря любезности г-на Д.Блессига, Зоологический музей Императорской Академии наук получил экземпляр дубоноса *Coccothraustes coccothraustes* Linnaeus 1758, добытый у Мурина 26 августа 1904. Это молодая птица, не успевшая ещё сменить гнездовое перо. Она была найдена на лужайке в саду до такой степени утомлённой, что дала взять себя в руки, а на следующее утро оказалась в клетке мёртвой. Это обстоятельство говорит за то, что данный экземпляр был случайно залётный. Таковы, по-видимому, и все птицы этого вида, замечавшиеся изредка в пределах С.Петербургской губернии, за исключением той несколько сомнительной пары, гнездо с птенцами которой нашёл Н.И.Холодовский в Ораниенбаумском парке летом 1878 года.

Рус. орнитол. журн. 2006. Том 15. Экспресс-выпуск № 311

^{*} Бианки В.Л. 1904. Coccothraustes coccothraustes (Linn.) в С.-Петербургской губернии // Ежегодн. Зоол. музея Импер. Акад. наук 9, 4: XXXIII.

Гнездование пустельги Falco tinnunculus на Памире

Р.Л.Потапов

Второе издание. Первая публикация в 1962*

Автору настоящей заметки в течение пяти летних сезонов работы на Памире неоднократно приходилось наблюдать пустельгу Falco tinnunculus tinnunculus Linnaeus, 1758. Пары этих птиц из года в год встречались всё лето в одних и тех же местах с регулярностью, свойственной гнездящимся птицам. Однако гнездо пустельги удалось найти только в 1960 году.

Гнездо было обнаружено в южной части скалистого хребта Найзаташ (центральный Памир) на высоте 4150 м н.у.м. Оно помещалось в узкой щели под крышей высокого (6 м) камина, расположенного в скальной стенке южной экспозиции. Солнце в эту узкую щель под козырьком камина не попадало, днём здесь всегда царил полумрак. 26 июля, когда гнездо было найдено, в нём находились 4 вполне оперившихся птенца накануне вылета. Двое из них покинули гнездо на следующий же день, а двое других – 28 июля. Гнездо представляло собой ямку в рыхлом субстрате на выступе карниза без какой-либо специальной подстилки. Птенцы сидели на слое объедков и помёта. Среди пищевых остатков преобладали перья и части скелетов птиц (Montifringilla nivalis, Oenanthe deserti, Phoenicurus ochruros и др.) и остатки довольно крупных (до 18 см в длину) пищух Ochotona roylei macrotis. Взрослые птицы прилетали к гнезду нерегулярно, главным образом утром и вечером. Покинув гнездо, птенцы ещё несколько дней находились поблизости и сидели на выступах скал, изредка подавая голос.

Судя по толстым натёкам помёта, гнездо это соколки занимали давно. В 50 м ниже этого места — в так называемом гроте Шахты, также было найдено аналогично расположенное старое гнездо пустельги с ещё бо́льшими натёками помёта. По-видимому, соколки гнездились здесь много лет. Во время раскопок, которые проводил археолог В.А.Ранов, среди костей мелких грызунов и осколков костей козерогов была найдена нижняя челюсть пустельги в слое, датированном ранней бронзой. На основании этой находки можно заключить, что пустельги гнездились в гроте Шахты́ ещё 3 тысячелетия назад, а кости мелких грызунов, раскопанные здесь, являются остатками их добычи.

_

^{*} Потапов Р.Л. 1962. Гнездование пустельги [Falco tinnunculus tinnunculus (L.)] на Памире // Зоол. журн. 41, 8: 1265-1266.

В 1960 г. гнездовые пустельги были встречены 6 августа в скалах южной части Рангкульской котловины, на высоте 3900 м н.у.м. Это был выводок, только что вылетевший из гнезда, который ещё кормили родители. В 1961 г. гнездящиеся пустельги были вновь найдены нами в верховьях долины р. Аличур. Здесь было обнаружено два гнезда, на расстоянии 5 км одно от другого. Первое гнездо помещалось в нише, расположенной в отвесной скальной стене южной экспозиции на высоте 4250 м н.у.м. До гнезда добраться не удалось, но в бинокль была хорошо видна голова насиживающей птицы. Второе гнездо, найденное в то же время (5-15 июня), было также расположено в нише скальной стены Чатырташ (4100 м н.у.м.), с северной его стороны, в 20 м над основанием скалы. Насиживающая птица была чётко видна. Кроме упомянутых мест, явно гнездовые пары пустельги из года в год встречались в ряде других районов Памира на высотах 3600-4200 м н.у.м.

Судя по приведённым выше данным, памирские пустельги начинают насиживание в первых числах июня, т.е. на 2.5 мес. позднее, чем в низинном Таджикистане (заповедник «Тигровая балка», 300 м над уровнем моря, на той же широте), и почти на 1 мес. позднее, чем на сыртах Тянь-Шаня, где гнездо с подлётками было найдено 12 июля (Янушевич и др. 1959).

Следует отметить преобладание птиц в питании памирской пустельги. Как уже упоминалось, у её гнезда, найденного в 1960 г., было много остатков мелких птиц, в основном молодых и подлётков, которых особенно много на Памире во второй половине июля. Неоднократно приходилось наблюдать этих соколков при охоте на горных вьюрков, рогатых жаворонков, удодов и других птиц, но ни разу не удалось видеть пустельгу, которая бы охотилась на грызунов (трепещущий полёт). Обычные места её охоты — обрывы и скалы, имеющие в условиях Памира наибольшую плотность птичьего населения и почти лишённые грызунов.

Пустельга является обычной гнездящейся птицей Памира, хотя плотность популяции её здесь довольно низкая. Вряд ли есть при этом основания предполагать, что на Памире этот соколок достигает своего верхнего предела гнездования. Несомненно, что при наличии благоприятных условий пустельги могут подниматься на гнездовье ещё выше в горы. Шефер (Schäfer 1938) сообщает о гнездовании пустельги в разреженных можжевеловых лесах верховьев Меконга на высоте 4500 м н.у.м. (гнездо, правда, найдено не было). Во время охотничьих вылетов пустельга может подниматься на очень большую высоту — в северо-восточном Тибете до 5500 м (Schäfer 1938), в Ладаке — до 4800 м (Оsmaston 1927). На Памире же во второй половине лета охотившихся за горными вьюрками пустельг наблюдали на высоте 4700 м н.у.м.

Литература

Янушевич А.И., Тюрин П.С., Яковлева И.Д., Кыдыралиев А., Семёнова Н.И. 1959. *Птицы Киргизии*. Фрунзе, 1: 1-229.

Osmaston B.R. 1927. Notes on the birds of Kashmir. Part I # J. Bombay Nat. Hist. Soc. 30, 4: 975-999.

Schäfer E. 1938. Ornithologische Ergebnisse zweier Forschunsreisen nach Tibet #J. Ornithol. 86, Sonderheft: 1-350.

80 03

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2006, Том 15, Экспресс-выпуск 311: 203-205

О существовании птиц с травмами и болезнями

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет, Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 15 января 2006

Прежде чем начать изложение материала по теме настоящей статьи напомним, что помимо других неприятностей птицы иногда подвергаются нападению паразитических животных, а именно кровососущих насекомых и клещей, о чём мы уже писали (Прокофьева 2000), а также глистов. Последних, например, мы обнаружили в пищеварительном тракте одной сойки *Garrulus glandarius*, добытой 3 сентября 1956 в Ленинградской области. Наряду с этим, причиной их болезненного состояния бывают также травмы и болезни. При этом в одних случаях птицы очень страдают от них, а в других, по-видимому, свыкаются с ними и ведут себя так же, как и здоровые особи.

В процессе работы, в период с 1956 по 2004 г., мы зафиксировали 14 встреч птиц с травмами и болезнями. За исключением 2 случаев, все они были отмечены в Ленинградской области.

28 июля 1956 мы добыли сойку с голой головой и шеей. Очевидно, это было следствием какой-то болезни. Однако вела себя она как здоровая птица. В 1970-х годах другая сойка жила в клетке у одной из местных жительниц. У неё не было обеих ног. По вине какого хищника она так пострадала, мы не знаем. Найдена она была в лесу очень истощённой. Но однажды, когда хозяйка чистила клетку, сойка вырвалась и улетела. В дальнейшем она, вероятно, погибла, так как добыть для себя достаточно корма, конечно, не могла.

В июне 1968 г. был пойман слепой слёток галки *Corvus monedula*. Выпрыгнув из дупла с высоты 10 м, он не разбился, но чувствовал себя

совершенно беспомощным. У него были слипшиеся веки. Последние удалось разлепить, после чего галчонка выпустили на волю.

В 1970-1980-х в селе Залесцы Каменец-Подольской области Украины у одной из местных жительниц в течение 10 лет жил в ящике грач *Corvus frugilegus*. У него было повреждено крыло, и летать он не мог.

4 июня 1973 в урочище Железо (Лужский р-н, Ленинградская обл.) была встречена самка горихвостки-лысушки *Phoenicurus phoenicurus*, у которой отсутствовала левая нога. Несмотря на увечье, она спокойно перепархивала с бревна на бугорки земли и камни. По её поведению нельзя было определить, что у неё только одна нога. Возможно, она гнездилась где-то поблизости. Ведь известен случай, когда одноногая белая трясогузка *Motacilla alba* успешно выполняла свои родительские обязанности (Подковыркин 1972).

26 июня 1956 мы встретили певчего дрозда *Turdus philomelos*, неспособного летать, т.к. у него было подбито левое крыло. Поймать его не удалось, ибо он очень быстро бегал среди густых кустов.

Ещё одного певчего дрозда мы нашли в заповеднике «Лес на Ворскле» (Белгородская обл.), когда он был в очень тяжёлом состоянии, поскольку его прихлопнула давилка, поставленная на мышевидных грызунов. У него была оторвана половина надклювья. Оставить его живым с тем, чтобы вылечить, мы не могли, и поэтому его пришлось умертвить, избавив тем самым от тяжёлых мучений.

17 июня 1972 в урочище Железо мы нашли гнездо веснички *Phylloscopus trochilus*, в котором находилось 6 птенцов в возрасте 2 дней. На следующий день мы обнаружили, что у одного из птенцов нога перетянулась скрученным пухом как ниткой, из-за чего стопа оказалась вздутой и изуродованной. Ногу мы освободили, но что потом было с этим птенцом, к сожалению, выяснить не удалось.

Наряду с только что упомянутыми тяжёлыми случаями нам приходилось фиксировать и такие, которые, несмотря на тяжёсть травмы, заканчивались благополучным исходом. Так, 23 августа 1956 нами был убит слёток обыкновенной овсянки *Emberiza citrinella*, у которого мы обнаружили сросшийся перелом цевки. Сросшиеся концы кости налегали друг на друга, из-за чего сломанная нога была несколько короче другой. Тем не менее, овсянка могла нормально существовать.

Ещё один случай, закончившийся сравнительно благополучным исходом, мы отметили в июле 1997. У нас на глазах трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* упал на крышу дачи в посёлке Вырица и скатился с неё на землю. Вероятно, его ударило электрическим током, т.к. над крышей тянулись провода. Он был подобран и несколько часов провёл в ящике, где его кормили насильно, поскольку сам он есть не хотел. Когда же его отнесли в лес и выпустили, он, несмотря на сильный ушиб, полетел.

Один раз мы отметили, что птенцы большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* постепенно умирали от отравления. 7 июня 1968 в деревне Перечицы производили опыливание удобрениями поймы реки Оредеж с самолёта. Из-за этого пострадали многие насекомые, которыми питались дятлы, в результате чего последние, видимо, и отравились. В гнезде дятлов находились 3 больших птенца. Два из них умерли 11-го, а последний — 12 июня.

27 августа 2004 на железнодорожной платформе станции города Пушкина мы видели сизого голубя *Columba livia*, у которого на правой ноге присутствовали всего 2 пальца, а на левой пальцы вообще отсутствовали. Видимо из-за этого увечья, голубь был совсем ручным и кормился у самых ног людей, которые в ожидании поезда сидели на скамейке и бросали ему пищу.

В конце июня 1956 мы поймали чеглока *Hypotriorchis subbuteo*, не способного летать. Из-за его агрессивности не удалось установить, какая у него была травма или болезнь. Неделю он жил в клетке, где его кормили мясом лягушек. Затем его унесли в лес для того, чтобы сфотографировать, выпустив из клетки. Однако за неделю он немного поправился и, оказавшись на воле, полетел. Поймать его снова не удалось, т.к. пролетев низко над землёй 10-12 м, он приземлялся, но при приближении человека снова взлетал. Возможно, в дальнейшем он погиб, поскольку в таком состоянии, вряд ли мог сам прокормиться.

Из сказанного следует, что больные птицы или имеющие серьёзные травмы иногда выживают, но случается, что им требуется помощь людей для того, чтобы выжить.

Литература

Подковыркин Б.А. 1972. О встречах птиц с травматическими повреждениями // *Орнитология* **10**: 378 [2-е изд.: Подковыркин Б.А. 2006. О встречах птиц с травматическими повреждениями // *Рус. орнитол. журн.* **15** (311): 214-215].

Прокофьева И.В. 2000. Случаи обнаружения кровососущих насекомых и клещей у птиц во время гнездования в Ленинградской области // Рус. орнитол. журн. **9** (104): 12-17.

Поведение славки-черноголовки Sylvia atricapilla в гнездовой период (по наблюдениям в «Лесу на Ворскле»)

Н.П.Овчинникова

Второе издание. Первая публикация в 1961*

За последние годы накапливается всё больше фактов, говорящих о том, что птицы обладают достаточно пластичным поведением, позволяющим им быстро приспосабливаться к изменениям в окружающей обстановке. Известно также, что не все особи, принадлежащие к одному виду, в природных условиях себя одинаково — существует большая индивидуальная изменчивость поведения. Однако в каких пределах может изменяться поведение птиц при изменении окружающих условий, в каком направлении оно изменится, что является в каждом конкретном случае причиной той или иной поведенческой реакции — на эти и другие вопросы мы далеко не всегда можем дать удовлетворительный ответ. Поэтому любые факты, дополняющие наши сведения о поведении птиц в природе, представляют определённый интерес.

В настоящей статье излагаются наблюдения над поведением славки-черноголовки Sylvia atricapilla в гнездовой период. Полевые исследования проводились главным образом в течение двух летних сезонов (1949-1950 гг.) в лесостепной дубраве «Лес на Ворскле» в Белгородской области. Славка-черноголовка — вид, довольно многочисленный в заповедном лесу и наиболее удобный для наблюдения. Всего было найдено 94 славочьих гнезда, причём 38 из них уже после оставления их птенцами. За остальными 56 велись детальные наблюдения.

Наблюдения показали, что характер расположения гнёзд у черноголовок сильно варьирует. В условиях лесостепной дубравы большинство их располагается на молодом подросте или пнёвой поросли дуба, вяза и липы. Некоторое количество гнёзд было расположено на кустах жёлтой акации, которая вообще мало пригодна для укрепления птичьих гнёзд. Большинство этих гнёзд было найдено в тех участках леса, где кустарник подвергался подрезке, в результате чего образовались густые мутовки. Интересно, что в одном из участков леса, где подлесок был представлен невысокими и неподстригавшимися кустиками жёлтой акации, было обнаружено 11 «набросов» (начальная стадия постройки) славок на протяжении каких-нибудь ста шагов. На

_

^{*} Овчинникова Н.П. 1961. О поведении славки-черноголовки (*Sylvia atricapilla* L.) в гнездовой период // *Вестн. Ленингр. ун-та* 3: 100-107.

том же участке было найдено лишь одно готовое гнездо черноголовки — и то не на жёлтой акации, а на сломанном и довольно чахлом кустике вяза. По-видимому, эти «набросы» указывают на неудачные попытки славок гнездиться на тонких неподрезанных кустах жёлтой акации, весьма неудобных для укрепления гнезда. Часть гнёзд была найдена в совершенно необычных для этого вида местах: на ветвях больших дубов и лип сравнительно невысоко от земли.

В общем же из 94 гнёзд 62 помещалось на подросте или пнёвой поросли древесных пород, 20- на кустарниках (жёлтая акация, жимолость, тёрн и бересклет), 12- на больших дубах и липах.

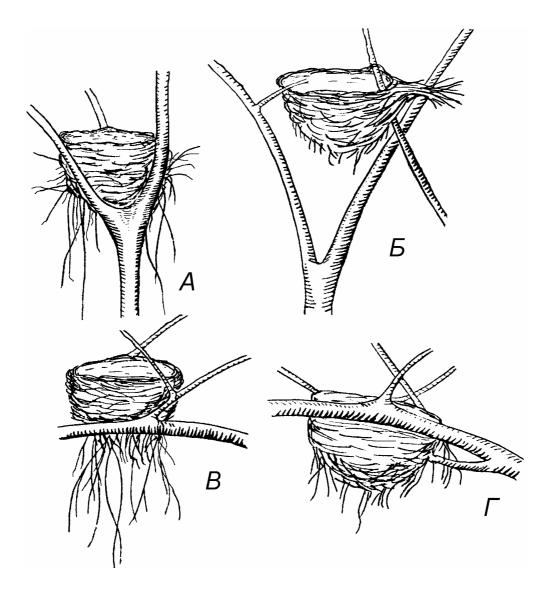
В отношении высоты расположения над землёй можно привести следующие данные: на высоте до 0.5 м было найдено 8 гнёзд, 0.5-1 м – 29, 1-1.5 м – 37, 1.5-2 м – 3, 2-2.5 м – 13, 3 м и выше – 4 гнезда. Таким образом, чаще всего черноголовки располагают гнёзда на высоте 0.5-1.5 м. Очень любопытны случаи находки гнёзд на большой высоте. Например, одно гнездо помещалось на высоте 4.5 м от земли. Можно предположить, что некоторые особи после неудачного гнездования на обычной высоте стали впоследствии гнездиться выше. Надо заметить, что основными врагами славок в «Лесу на Ворскле» являются не воздушные хищники, а наземные, главным образом, мелкие куньи (горностай, ласка) и кошки. Много гнёзд разоряют также дети.

Несмотря на тщательные поиски гнёзд в различных участках леса, оказалось, что большинство их приурочено к краям леса, просекам, лесным дорогам и другим открытым местам. Так, из 91 гнезда, описанного в этом отношении, на расстоянии до 5 м от лесных дорог и просек было обнаружено 35 гнёзд, от 5 до $10 \, \text{м} - 29$, от $10 \, \text{м}$ и дальше -27.

Большое значение в отношении безопасности имеет маскировка гнёзда. Разоряются главным образом гнёзда, расположенные открыто, на виду. Наоборот, гнёзда, хорошо замаскированные листвой, не бросающиеся в глаза, обычно сохраняются. Нам встречались гнёзда, расположенные вблизи людных дорог, но замаскированные с таким искусством, что приходилось только удивляться.

Способы крепления гнёзд славок-черноголовок также довольно разнообразны (см. рисунок). Их можно приблизительно разбить на четыре типа, между которыми имеются переходы.

- 1. Гнездо укреплено в вертикальной мутовке, имеет опору у основания. Данный тип наиболее распространён. Всего описано 45 гнёзд такого типа (рисунок, A).
- 2. Гнездо подвешено к вертикальной мутовке. Найдено 18 таких гнёзд (рисунок, E).
- 3. Гнездо лежит на прочном горизонтальном основании и обычно слегка поддерживается сбоку тонкими веточками. Описано 18 гнёзд (рисунок, B).

Способы крепления гнёзд славок-черноголовок Sylvia atricapilla.

А – гнездо укреплено в вертикальной мутовке и имеет опору у основания.
 Б – гнездо подвешено к вертикальной мутовке.
 В – гнездо лежит на прочном горизонтальном основании и поддерживается сбоку тонкими веточками.
 Г – гнездо наподобие гамачка подвешено к развилке горизонтальной ветки.

4. Гнездо наподобие гамачка подвешено к развилке горизонтальной ветки. Описано 9 гнёзд (рисунок, Γ).

Наблюдения показывают, что порядок строительства гнёзд различен. Там, где дно гнезда не имеет опоры, сначала возводятся боковые стенки, а у гнёзд, лежащих на какой-либо опоре, в первую очередь набрасывается основание гнезда. Это обстоятельство интересно тем, что лишний раз доказывает изменчивость инстинкта гнездостроения. Последовательность двигательных актов, составляющих в своей совокупности процесс гнездостроения, может существенно изменяться. Ведь по сути дела движения, которыми начинается постройка гнёзд 2-го и 4-го типов, являются заключительными при возведении каркасов гнёзд, относящихся к 1-му и 2-му типам. Больше того, должен изменяться и качественный набор двигательных актов. Гнёзда, найденные

на высоких деревьях, принадлежат к 3-му и 4-му типам, так как располагаются на тонких горизонтальных развилках, на значительном расстоянии от ствола. Последнее обстоятельство делает их ещё более недоступными для наземных врагов, даже хорошо лазающих (например, кошек).

Постройка гнёзд производится различными парами с разной тщательностью и искусством. Диаметр лотка и толщина стенок гнезда также изменяется. Одно из найденных гнёзд было настолько мелким и маленьким, что находившиеся в нём 6 птенцов сидели буквально друг на друге и с трудом умещались в нём. Малая величина гнезда была причиной того, что выводок покинул его на 1-2 дня раньше срока. В гнезде остался лишь самый маленький птенец.

Некоторые пары строят очень прочные гнёзда с плотными стенками и накрепко прикрепляют их к веткам куста или дерева при помощи травинок, паутинок и коконов насекомых. Такие гнёзда сохраняются очень долго и после вылета птенцов. Автору приходилось находить старые славочьи гнёзда в мае-начале июня; значит, очень прочные гнёзда могут сохраняться почти год. С другой стороны, иногда встречаются и совсем непрочные постройки с такими тонкими стенками и дном, что сквозь них просвечивают яйца. Подобные гнёзда после вылета птенцов при первом же дожде и ветре разрушаются. Иногда непрочное крепление гнезда к веткам может служить причиной гибели выводка. Чаще всего это бывает в том случае, если птица выбирает плохую мутовку, неудобную для укрепления гнезда. В 1950 г. было найдено гнездо черноголовки, прикреплённое к двум разным веткам жёлтой акации. При отклонении одной из них в сторону гнездо сорвалось и птенцы выпали. В другом случае птенцам угрожала опасность вывалиться из гнезда вследствие того, что оно весьма неудачно было помещено на конце длинной тонкой ветки молодого дубка. Под тяжестью растущих птенцов ветка сгибалась к земле всё ниже, гнездо кренилось на бок, так что птенцы с трудом в нём удерживались.

Таким образом, при постройке гнезда имеют большое значение удачный выбор места для гнезда, его хорошая маскировка, прочность и надёжное прикрепление к веткам. Птицы, гнёзда которых отвечают перечисленным требованиям, имеют несомненно бо́льшую возможность успешно вывести птенцов. Однако встречаются отдельные гнёзда, страдающие теми или иными недостатками. Подобные «ошибки» гнездостроения зачастую приводят к гибели потомства. По всей вероятности, такие «ошибки» чаще случаются с молодыми птицами, гнездящимися впервые.

Наблюдая славок у гнезда, невольно отмечаешь также большие индивидуальные различия в их поведении, которые сказываются на характере их реагирования при опасности.

Разоряемость гнёзд славок в «Лесу на Ворскле» довольно высока. Достаточно сказать, что в 1950 г. из 22 гнёзд черноголовок было разорено 8, т.е. 36%. Причину гибели гнезда с яйцами или птенцами не всегда удавалось установить. В некоторых случаях подозрение падало на мелких наземных хищников (ласку или горностая), в других — на сойку или ворону (находили в гнезде проклёванные яйца, а птенцы исчезали), 4 гнезда заведомо были разорены ребятами. Поэтому было интересно проследить отношение славок-черноголовок к человеку, близко подходящему к их гнёздам.

В подобных случаях для очень многих птиц было характерно притаивание. Они подпускали человека к своему гнезду совсем вплотную (на 5-10 см), а затем слетали. Некоторые же особи выдерживали такое близкое опасное соседство в течение нескольких минут. В 4 случаях самки не вылетали из гнезда даже тогда, когда наблюдатель наклонял ветку, на которой помещалось гнездо. Другие, наоборот, вылетали из гнезда, когда человек находился ещё в нескольких метрах от них. Очень интересно, что одна из черноголовок подпускала наблюдателя довольно близко к гнезду. Однако при наведении на неё бинокля она слетала, даже если человек был ещё далеко. По-видимому, подобная реакция была вызвана видом незнакомого предмета.

Обычно тем птицам, которые близко подпускали к себе человека, была свойственна и очень активная защита гнезда. Степень активности и способы защиты варьировали. У одних особей наблюдались голосовые защитные реакции, у других – двигательные, обычно же – сочетание тех и других. Часть птиц улетала от гнезда молча и долгое время не возвращалась. Другие, слетев с гнезда, начинали беспокойно кричать, сидя на дереве. Ещё большая степень возбуждения у части особей выражалась в том, что птицы перепрыгивали с криком с ветки на ветку, иногда подлетая совсем близко к человеку. Иные «отводили» человека на некоторое расстояние от гнезда при помощи голоса, а затем смолкали и улетали. Очень многим черноголовкам свойствен «отвод» по земле. Птица бросалась на землю и не спеша уходила от гнезда. Иногда этим ограничивалась и вся защита. В других случаях отвод по земле был очень активен. Птица ковыляла по земле, распустив крылья, затем снова возвращалась к гнезду и вновь отводила. Обычно такой активный отвод по земле сопровождался и другими признаками возбуждения: криками, прыганьем по кустам и т.д. Две самки и один самец вели себя даже «угрожающе» при появлении человека у их гнезда: вытягивали с криком шею, подскакивали ближе к наблюдателю, иногда подлетали, как бы набрасываясь на него. Между всеми этими приёмами защиты потомства были всевозможные переходы.

Наблюдались различия и в поведении особей одной пары. Однако относительно преобладания активности со стороны одного какого-либо

пола нельзя вывести закономерности. В одних случаях активнее защищали самцы, в других — самки. Иногда же активность самца и самки была одинаковой.

Звуки, издаваемые славками-черноголовками во время тревоги, могут быть трёх-четырёх типов. По всей вероятности, различные звуки соответствуют различным степеням возбуждения. Обычный тревожный крик, характерный для черноголовок — это часто повторение «чек-чек-чек-чек...». Некоторые особи при беспокойстве издавали тихие «ноющие» звуки. В случаях же очень сильного возбуждения птицы начинали буквально «верещать». Обычно такое верещание сопровождалось энергичными движениями. Надо сказать, что «нытьё» и «верещание» можно слышать довольно редко. Ещё реже птицы издают тихие звуки, напоминающие тревожный крик пеночки-трещотки.

Активность защиты потомства обычно усиливается, когда птица слышит крик потревоженных птенцов. Бывали случаи, что птица совершенно спокойно смотрела, как её птенцов берут в руки, но при первом же их крике она приходила в сильное возбуждение, бросалась на землю и начинала с верещанием отводить.

Интересен случай, когда самка черноголовки усиленно отводила наблюдателя от своих мёртвых птенцов спустя несколько часов после их смерти. Следовательно, инстинкт защиты потомства исчез не сразу, хоть и не подкреплялся со стороны выводка.

Скорость возвращения в гнездо потревоженной птицы бывает различной у разных особей. Обычно те птицы, которые сидят в гнезде очень плотно, а затем бурно реагируют на появление человека, быстро и возвращаются в гнездо. Иногда достаточно отойти на несколько шагов в сторону, чтобы потревоженная птица села обратно в гнездо. Одна славка-черноголовка (самка) была особенно интересной в этом отношении: она подпускала человека к себе вплотную, очень активно защищала гнездо (вела себя «угрожающе»), но стоило отступить хотя бы на шаг в сторону, как она садилась в гнездо и словно застывала. Особи, более осторожные, заблаговременно слетевшие с гнезда при приближении наблюдателя, обычно долго не садились обратно в гнездо, даже если человек стоял в стороне.

Случаи оставления славками-черноголовками гнёзд, над которыми велись наблюдения, показывают также индивидуальные различия в поведении птиц. Нами производился такой эксперимент: на 30 мин уносились из гнезда яйца или птенцы, а затем вновь возвращались на место. Из 5 гнёзд были унесены яйца, а из 4 — птенцы. Во всех случаях, кроме двух, гнёзда не были брошены птицами. В два же гнезда, несмотря на то, что в одном из них были птенцы, птицы более не возвращались. Другое брошенное гнездо было с очень поздней кладкой, и этим отчасти можно объяснить тот факт, что птица его оставила. Инте-

ресно отметить, что самка сидела на гнезде очень плотно, защищала его чрезвычайно активно. Самец же не насиживал яйца, не защищал гнезда, но когда самка бросила гнездо, он ещё долго оставался возле него и пел.

Совершенно очевидно, что характер поведения каждой данной особи не бывает постоянным, неизменным. Наблюдая за поведением птицы у гнезда в течение всего хода её гнездового цикла, нельзя не заметить, что оно может измениться даже на протяжении этого небольшого отрезка времени.

По-видимому, следует различать две категории изменений поведения птицы в ходе гнездового цикла: 1) изменения, связанные с последовательной сменой отдельных этапов гнездового цикла; 2) изменения поведения, происшедшие под влиянием внешних воздействий.

Первая категория изменений обусловливается главным образом внутренними, физиологическими факторами и связана с последовательной сменой рефлекса гнездостроения рефлексом насиживания, рефлекса насиживания — рефлексом выкармливания и т.д. Явление это вполне закономерно, хотя и здесь, конечно, встречаются всевозможные отклонения, и проявляется оно у каждой особи по-своему, так как на характер протекания последовательных этапов гнездового инстинкта накладывает отпечаток вся предыдущая история каждой данной особи, весь её индивидуальный опыт. Поэтому-то поведение разных птиц может так сильно различаться.

Ко времени вылупления птенцов у птиц замечается усиление рефлекса насиживания: они подпускают человека к гнезду гораздо ближе, чем в начале насиживания, и слетают очень «неохотно». Однако опять следует подчеркнуть, что у разных особей это бывает выражено в разной степени. Одна из самок, находившаяся под нашим постоянным наблюдением, слетала с гнезда в период насиживания яиц настолько поспешно, что иногда даже роняла при этом яйца из гнезда. В конце насиживания она стала подпускать людей вплотную к самому гнезду.

Время вылупления птенцов в ряде случаев является как бы переломным моментом в поведении птиц. В некоторых случаях усиление материнского инстинкта после вылупления птенцов бывает очень резко выражено. Наблюдения показали, что в ряде случаев птицы, которые вели себя во время насиживания очень спокойно, с появлением птенцов начинали активно защищать гнездо, обнаруживая при этом совершенно новые для них «приёмы». У других птиц не наблюдалось сильного изменения поведения. Они вели себя более или менее ровно в течение всего гнездового цикла, хотя всё же и отмечалось некоторое повышение активности во второй половине гнездового цикла: появлялись дополнительные варианты оборонительной реакции. Лишь у очень немногих особей в течение всего гнездового цикла наблюдалось

ровное, спокойное поведение, не сопровождавшееся ни криками, ни «отводом».

Необходимо отметить, что у славок-черноголовок наблюдается не всегда равное участие полов в насиживании. Иные самцы насиживают яйца и защищают гнездо наравне с самками с самого начала. Других можно встретить у гнезда лишь к моменту вылупления птенцов. Несколько раз наблюдалось, что самцы, не принимавшие участия в насиживании, очень активно, даже активнее самок, защищали только что вылупившихся птенцов. В этом примере особенно сказывается значение появления птенцов, определяющее перелом в поведении птиц. Кульминационным пунктом в нарастании активности защиты потомства является момент оставления птенцами гнезда. Затем проявление инстинкта защиты потомства начинает ослабевать и постепенно сходит на нет. У многих птиц сильная реакция на появление человека проявляется только в период оставления гнезда птенцами. Особенно стимулирует активную защиту гнезда писк потревоженных птенцов. Наблюдался случай, когда очень спокойная самка черноголовки, ни разу до этого не издавшая ни одного беспокойного звука, с криком, верещаньем бросилась отводить по земле при писке одного из слётков, взятого в руки.

Вторая категория изменений — это случайные изменения поведения птиц, происшедшие под влиянием внешних воздействий. Эти факты представляют для нас особый интерес, так как именно они лежат в основе эволюции поведения птиц.

Случаи нахождения некоторых гнёзд черноголовок на большой высоте, по всей вероятности, следует объяснять ответной реакцией птиц на разорение хищником или человеком их гнёзд, помещавшихся раньше невысоко над землёй. Вид птенцов, взятых в руки человеком, и их писк, вызвавшие совершенно новую реакцию — активную защиту потомства, ранее не наблюдавшуюся у этих особей, тоже являются, по нашему мнению, тем воздействием внешней среды, которое изменяет поведение птиц. Возможно, что в дальнейшем реагирование этой птицы на появление человека вблизи её гнезда будет иным.

Случаи внезапного изменения поведения, иногда наблюдавшиеся в середине насиживания или выкармливания птенцов и на первый взгляд не объяснимые, тоже, конечно, чем-то обоснованы. Так, однажды у одной черноголовки в середине периода насиживания появилась неожиданная вспышка активности. Молчаливая и осторожная до той поры птица, вся дрожа и сильно вереща, стала отводить наблюдателя от гнезда, в котором находились яйца. Она припадала к земле, распускала крылья, кричала и вообще проявляла сильное беспокойство. Этот случай, возможно, объясняется тем, что наблюдатель случайно просидел в течение 15 мин совсем вплотную к кусту, на котором нахо-

дилось гнездо, так что голова его была на уровне головы насиживающей птицы. Славка всё это время находилась в напряжении, которое и разрядилось в таком бурном «припадке активности». Это было своеобразным срывом высшей нервной деятельности.

Так как в природе невозможно учесть все факторы, оказывающие воздействие на нервную систему каждой особи в течение её индивидуальной жизни (хотя бы потому, что история каждой данной птицы нам в большинстве случаев неизвестна), то причины многих случаев изменения поведения птиц для нас остаются непонятными. Для того, чтобы глубоко и серьёзно разобраться в вопросах – в каких пределах и в каком направлении изменится поведение птиц при изменении окружающих условий, насколько велика способность птиц к образованию новых сложных связей с окружающей средой и т.п., необходимо совершенствовать методику изучения поведения птиц. В первую очередь, необходимы многолетние стационарные полевые наблюдения за индивидуально маркированными птицами. Здесь нужно, кстати, отметить, что имеющиеся у нас способы маркировки птиц несовершенны, поэтому всякие усилия в этом направлении желательны и своевременны. Это касается как совершенства изготовления окрашенных колец, так и отлавливания и окрашивания самих птиц. Кроме того, очень перспективным представляется соединение полевых исследований с лабораторным экспериментом.

80 03

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2006, Том 15, Экспресс-выпуск 311: 214-215

О встречах птиц с травматическими повреждениями

Б.А.Подковыркин

Второе издание. Первая публикация в 1972*

Отдельные особи птиц, особенно из числа охотничье-промысловых видов, иногда получают серьёзные травмы, лишаются важнейших частей тела и остаются калеками. Существует мнение, что большинство травмированных птиц не способно к дальнейшему существованию и погибает. Специальных исследований по этому вопросу не проводилось, так как в природных условиях подобные особи встречаются сравни-

Рус. орнитол. журн. 2006. Том 15. Экспресс-выпуск № 311

^{*} Подковыркин Б.А. 1972. О встречах птиц с травматическими повреждениями // *Орнитология* **10**: 378.

тельно редко. Поэтому представляют определённый интерес некоторые наблюдения по этому вопросу.

В декабре 1946 года во дворе областного краеведческого музея г. Хмельницкого мы наблюдали группу зимовавших здесь грачей *Corvus frugilegus* из 4 птиц. Они держались у помойки на заснеженной земле. У одной из птиц (выводка текущего года) отсутствовала верхняя часть клюва, обломанная почти у лобного оперения, в связи с чем нижняя челюсть выдавалась вперёд. Найдя кусок хлеба размером около 3×3×2 см, грач пытался долбить его нижней челюстью, но затем повернул голову на бок, взял кусок углом рта и улетел.

Поведение этой птицы ничем не отличалось от других, находившихся здесь же грачей. Она была деятельна и подвижна. Оперение чистое, плотно прилегающее к телу. Никаких следов утомления или какого-либо угнетения своим положением не замечено. К сожалению, дальнейшую судьбу этого грача проследить не удалось.

Со 2 по 14 июля 1950 на островах Шумшу (Курильские острова) под нашим наблюдением находилось гнездо камчатской трясогузки *Motacilla alba lugens* (Gloger, 1829). Один из членов родительской пары не имел левой ноги. От неё осталась только часть цевки длиной 5-6 мм. Обычно птица, прилетев в район гнезда, присаживалась на какое-либо возвышение, камень или обломок дерева. В это время было отчётливо видно, что птица стоит на одной правой ноге.

Гнездо находилось около населенного пункта, и трясогузки летали ловить мух для птенцов к кухне-столовой. Поэтому нам удалось проследить поведение этого экземпляра на месте охоты. Здесь птица, разыскивая корм, прыгала на одной ноге, подобно воробью. Гоняясь за мухами, при бросках помогала себе крыльями и как бы летала по земле на расстояния 0.5-1 м. Охота обычно проходила успешно и через 3-4 мин, держа в ключе нескольких насекомых, птица улетала к гнезду и вскоре возвращалась обратно.

Отсутствие ноги, видимо, мало влияло на нормальное выполнение птицей своих родительских обязанностей по добыванию пищи и кормлению молодых. Птенцы росли нормально, ничем не отличаясь от своих сверстников из контрольных гнёзд, и на 10-й день благополучно покинули гнездо.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что отдельные птицы, получив серьёзные травмы, не погибают.

